

## Велосипед купил

Прибежал я в избу, весь из себя красный, сляк под глазами, в руках колесо от автобуса, рулевое.

Отец нашей семьи сидел за столом, борщ наворачивал.

— Все бегаешь, — говорит отец. — И все без толку!

— Во! — говорю и колесо показываю. — С Мишкой Егоровым делили — мне досталось.

— Это хорошо, — пережевывает отец. — Только у Мишки Егорова есть велосипед, а у тебя нет.

— Чего это ты про велосипед?! — спрашиваю.

— А ничего! — говорит отец. — У Машковых тоже велосипед, и у Таньки Захваткиной!.. А где твой велосипед?

— Как «где»? — говорю. — Второго дня во сне видел.

— Так то — во сне! — говорит отец. — А где деньги? Денег то нет...

— Есть! — говорю. — Деньги вчера во сне видел.

— Так то — во сне! — говорит отец. — От денег во сне толк не велик. А чтобы толк был велик — надо их зарабатывать. По делам и награда.

— Кто тебе сказал? — спросил я.

— Председатель наш, — сказал отец. — Вызвал сегодня и говорит: «В районе, — говорит, — экспедиция работает, изыскатели (железная дорога у нас будет), у них нужда в рабочих. А твоему парню уже тринадцать стукнуло, а до школы, до первого сентября месяц бегать без толку, — пусть лучше работает, деньги зарабатывает. Велосипед у него есть?» — «Нет», — говорю. «Вот на велосипед и работает. А работу дадут не сложную, под силу. Парень он шустрый — хорошо и зарабатает».

— Парень ты шустрый, — сказал дядя в кожаной куртке. — Я, — говорит, — начальник экспедиции, и я хорошо это вижу. Оклад у тебя — шестьдесят рублей. А не будешь лениться — еще премию вышлем.

— А заленюсь — не выпишете? — спросил я,

— Не обижайся, — сказал Начальник.  
— Хорошо, — сказал я. — Не обижусь.

— Работа у них интересная, — сказал я Мишке Егорову. — Да еще зарплату дадут: шестьдесят рублей за месяц. На премию, правда, надежды нет никакой...

А сам про себя думаю: «Погодите, — думаю, — Я вам так буду работать, что премию обязательно дадите!»

— Все изыскивают, изыскивают!.. Будешь у них — разузнай, что изыскивают? — сказала Машкова бабка.

— Ничего, — сказал я. — Разберемся с ними.

— Я эту контору знаю, — сказал старший брат Таши Захваткиной. — У них много не заработаешь.

— Ничего, — сказал я. — Кто много трудится, тот много и имеет.

А на отгороде меня учительница русского языка поймала. Похвалила. Спросила, разве может быть без труда чистой и радостной жизнь?

Я хотел пробежать мимо этого, но она сказала, что это слова Чехова, и тогда я остался, и мы еще поговорили. Работа началась интереснее.

Приставили меня к треноге. На треноге — труба. Через трубу на рейки с делениями смотрят.

К треноге приставили: меня, толстого дядьку и двух взрослых парней с рейками. Один парень из нашего села, Григорием зовут, после армии.

Толстый дядька посмотрит через трубу на одного парня, вздохнет, в тетрадку запишет, на другого парня посмотрит, вздохнет и опять в тетрадку запишет. И тогда я должен хватать треногу и тащить на новое место. А в это время...

— А в это время я буду на ходу подсчеты делать, — сказал толстый дядька по фамилии Дорофеев. — Понятно? — сказал Дорофеев. — Пока треногу несеешь — руки у меня... Они — как?.. Они — свободные, и я могу делать подсчеты, чтобы время не терять.

«А-га, — думаю. — Видать, он тоже хочет премию заработать».

— Понятно, — говорю. — На меня надейтесь. Мы с вами сработаемся.

И только он прищурился на второго парня, который Григорий, — я треногу рванул и понесся...

— Э-э! — крикнул Дорощев. — Нельзя же так!  
... Мо-о-жно! — крикнул я. — Догоняйте!

Потом выяснилось, что Дорощев не успел чего-то разглядеть в трубе. На этом деле мы полчаса потеряли.

Потом мы еще много времени потеряли на том, что Дорощев — как черепак. А с утра выглядел работящим. Ну никак ему было ко мне не приладиться: то ему и с о м о т р е т ь надо, а треногу я уже улес; то мне ждаль, пока он доползет до новой стоянки; то начнет винты крутить на своей трубе...

— Чего винты-то крутите?! — говорю. — Открутите еще чего-нибудь!

Я, понятно, не всегда выдерживал: то треногу схвачу, то скажу чего-нибудь, из Пушкина, а Дорощев вдогонку: «Куда же?.. Нельзя же так!...»

В общем, плохо дело!

Так и сказал Начальнику. Он меня вечером по голове погладил...

— Ну, как первый день прошел? — спрашивает.

— Плохо, — говорю. — С этим Дорощевым премию не пароботаешь!

Начальник посмотрел на Дорощева и головой покачал. А Дорощев задыхал громко. Начальник говорит...

— Не знаю, — говорит. — Не знаю, Дорощев — хороший производительник.

«Ты — не знаешь, — подумал я. — А я — знаю!» Но ничего не сказал, воздержался...

Назавтра мне другого дали. Не Дорощева, совсем другого... Девку мне дали.

С утра она мне показала: то, что надо! Разбухла: «Вставай, — говорит. — Быстрее! Со мной пойдешь! Пошевельвайся! Ты, — говорит, — слышала, гоняться любишь как угорелый. Это хорошо, то, что мне надо!»

«Ну, — думаю, — теперь пороботаем!»

А работа была такая: палки длинные, в красную тельняшку, вешками называли, переставлять с места на место. Как моя новелькая, Верка, махнет рукой, так мне на новое место бежать.

Вечером — пришли в палатки — Верка как закричит сразу на все палатки:

— Кого мне дали!.. Носится как угорелый!.. Минуту не стоит!

Начальник услышал...

— Что же ты бегаешь?! — сказал он.

— А стоячая вода быстро портится, — ответил я.

На следующий день мне другого дали. Студента с лысной. Сначала я не знал, что с лысной. Потом, когда загонял его, он кепку снял, сморгю — с лысной.

Со студентом мы землю мерили железной лентой. Чего ее мерить? Не знаю. Но уж дали — надо быстрее промерить.

— Быстро померим — премию дадут, — сказал студенту.

— Серьезно?! — сказал он.

— Чего?.. — спросил я.

— Точно знаешь: дадут премию? — спросил студент.

— Быстрее всех будем — конечно! — сказал я.

— Понятно, — сказал студент.

— Кто воюет, тому и мясо, — сказал я.

И в тот же день потерял ленту, железную... Потерял. Так случилось. Как так случилось — не знаю, и студент не знает.

Сначала я его загонял, потом он кепку снял и плешь обнажил, потом я ему частушку спел...

Мы влюблялись —

Кудри ставила,

А расставался —

Плешь оставила...

...потом студент пошел в другую сторону... я — в одну, с лентой, а студент — в другую. Потом я ленту оставил — студента пошел искать. Нашел студента — ленту стали искать... Ленту не нашли.

— Тридцатник, — сказал студент.

— Чего? — сказал я.

— Тридцать рублей лента стоит, — сказал студент.

— Побожись?! — сказал я.

Студент побожился.

Потом студент мне все рассказал. Он сказал, что премии мне не выдать, а ленту у меня из зарплаты вычтут.

То, что вычтут, — незначительно, потому что тридцать рублей останется — на влоспед не хватит, но деньги немалые! А вот что премии не выдать — чуть не заплакал!

Да еще Начальник вечером по голове меня не погладил, а сказал просто...

— Да, — говорит, — с коллективной работой у тебя не дается.

Определили меня с утра на индивидуальную работу: колыхки красить — номера рисовать. Ихние колыхки повсюду натканы: в лесу, в поле, в огороде... Когда еще будет до рога, а колыхки уже — вот они!

Банку с краской, кисть — все мне дали, и я пошел. Иду. Не тороплюсь. Не спешу. Как угорелый не несусь. Премии все равно не будет. И ничуть не жалко. Проревел вчера, а сейчас хорошо, спокойно. Рисую номера на колышках, порядковые. День рисовал, второй рисовал. Птицы поют, никого нет, хорошо... Правда, один раз Дорофеева встретил. «Здравствуйте, — говорю, — Дорофеев!» А он дернулся... Дернулся, треногу подхватил и побежал... «Вот ведь, бегать научился, — подумал я. — Сейчас бы с ним и поработать!»

А через неделю мне Начальник сказал, что работаю я старательно, вот только номера на колышках все перепутал...

— В результате, — говорит, на меня не смотрит (бонгся посмотреть), — получилось, что работа коллектива за целую неделю пошла намарку!..

— ОГО! — сказал я и пошел к студенту.

Студент быстро подсчитал, что коллектив за неделю зарабатывает три моих зарплаты.

— Да, — сказал я. — Придется мне у них остаться, обрабатывать. Школу — догону.

— Догонишь, — сказал студент. — Я с тобой позанимаюсь.

После этого случая меня с индивидуалки в коллектив кинули. С Дорофеевым оказался!

Дорофеев сначала дергался! Но я прямо сказал:

— Не дергайся, Дорофеев. Все равно премии не будет.

Он успокоился. Потом мы с ним даже подружились. А потом я его трубу разбил!..

Труба его прямо вдребезги разлетелась. Ничего не собралы! Говорю Дорофееву:

— Сколько твоя труба-то стоит?

А он положил руки на голову и качается.

Мне потом студент сказал, что труба — пять моих зарплат стоит.

— Ух ты! — с продолжением сказал я... — Со школой, значит, ничего не выйдет в этом году — на второй год останусь.

— Квалификацию приобретешь, — сказал студент.

— Да, — сказал я. — Вместо велосипеда.

Вызывает меня Начальник в кожаной кепке, говорит:

— Послезавтра тебе в школу — давай прощаться!

— Как прощаться?! — говорю. — Мне убытки отрабатывать надо!

— Убытки отрабатывать не надо! — сказал Начальник. — У нас это не принято. Вот твоя зарплата — шестьдесят рублей. Я слышал, ты велосипед купить хочешь?..

И вот тогда я заревел!..

Реву! Начальник меня успокаивает... Он мне тогда много чего сказал... Сказал, что я еще молодой, что вся жизнь моя, сколько ни есть, — вся впереди, что я научусь работать, что в общем я хороший и старательный мальчик, что есть и похуже меня... Я уже и реветь перестал, а он все говорил и говорил... И тогда я подумал, что если я — хороший и старательный мальчик, а убытки в этой конторе — не в счет, тогда пускай гонит премию!..

— А где премия? — сказал я.

— Премия? Премии тебе не будет, — сказал Начальник и как-то совсем иначе посмотрел на меня.

«У-ух...» — подумал я, но сказать — ничего не сказал. Воздержался.

Через шесть дней велосипед купил.